

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ ГЛАВЫ ТАТАРСТАНСКОЙ МИТРОПОЛИИ

20 ноября в Казани скончался митрополит Казанский и Татарстанский Феофан (Ашурков). В своем последнем интервью, данном «Журналу Московской Патриархии», глава Татарстанской митрополии, человек энергичный и полный разнообразных планов, подробно рассказал о перспективах развития вверенного ему удела Божия. С особой радостью владыка Феофан сообщил об открытом в Казани православном детском саде «Родник» — проекте, которому было суждено стать последним завершенным делом неугомимого архипастыря.

Митрополит Казанский и Татарстанский Феофан

В Беслане физически ощутил, как преобразяет людей СОВМЕСТНАЯ МОЛИТВА

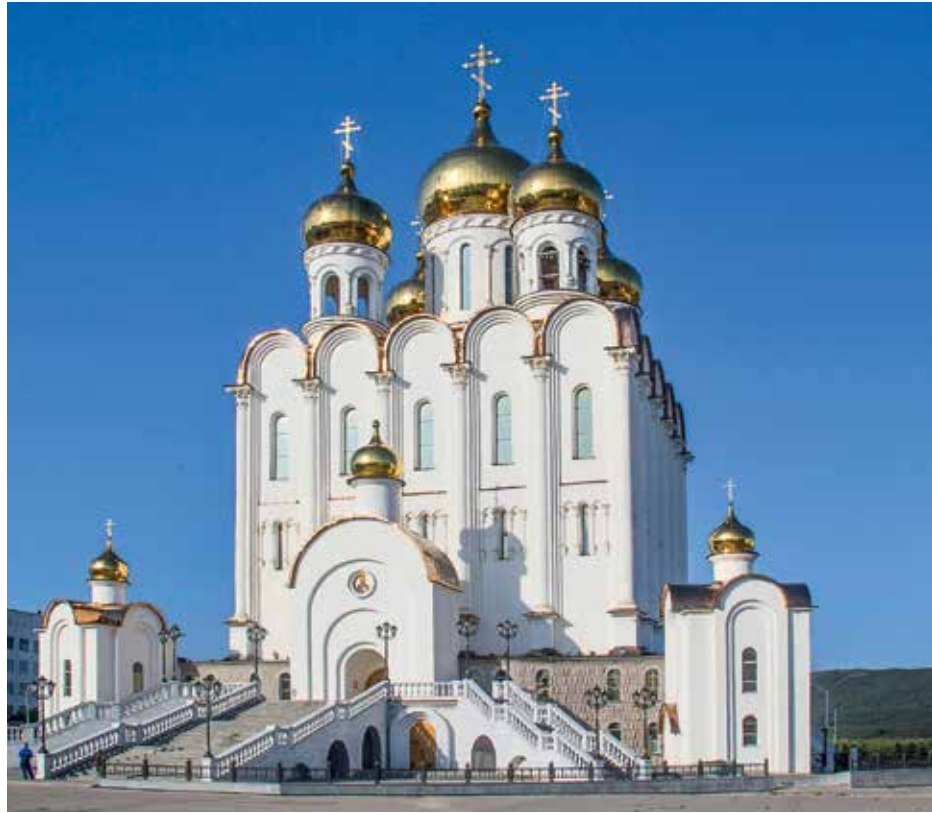
Архиерейская хиротония владыки Феофана, управлявшего одной из важнейших митрополий Русской Православной Церкви — Татарстанской, — состоялась ровно 20 лет назад, в ноябре 2000 года. За это время архипастырь занимал пять кафедр в разных уголках России. Поэтому в беседе с «Журналом Московской Патриархии» он вспомнил о выигранном у бывшего губернатора Магаданской области Валентина Цветкова пари, первой литии по жертвам бесланского теракта прямо на месте трагедии, неожиданном председательстве в Совете старейшин Северного Кавказа и об освобождении челябинского Александро-Невского кафедрального собора от немецкого органа.

Осколок из Цхинвали

— *Ваше Высокопреосвященство, расскажите о начале Вашего архиерейского служения и самых важных делах, которые довелось совершить в далеком Магадане.*

— На Магаданскую кафедру меня назначили из Сирии, где я представлял нашу Церковь при Патриархе Антиохийском и всего Востока. В ноябре 2000 года состоялась моя хиротония во епископа Магаданского и Синегорского, и я переехал из сирийских 30 °С в магаданские –35 °С. Первое впечатление — далеко не радужное: собор на задворках, по виду больше походит на деревенский. Встретился с губернатором Валентином Цветковым († 2002). Тот сразу признался: «Да, о новом кафедральном соборе давно говорим. Приглашаю Вас на объезд по городу, давайте подберем площадку». Повез на гору, к памятнику репрессированным работам Эрнста Неизвестного. Не пойдет, говорю: климат тяжелый, с транспортом перебои — кто же сюда заберется, как люди дойдут? Объезжаем дальше, причем все больше по окраинам — одно место сомнительнее другого. «Ну нет места в центре, поймите!» — оправдывается губернатор. — «Есть». — «Где?» — «А вон, напротив вашей резиденции заброшенный 14-этажный недострой горкома и облсовета». — «Эк куда замахнулся! — снисходительная улыбка в ответ. — Мы давно просим передать его региону, но российское правительство отказывает: федеральная ответственность. Если добьетесь передачи — отдам участок, только ничего у вас не выйдет».

На строительство этой высотки успели потратить массу металла, и наверху было проще запретить все движения со статусом объекта, чтобы ничего не расхитили. Я на самолет — и в Москву, к своему крестнику Олегу Сосковцу, прежде работавшему вице-премьером правительства Российской Федерации (ныне президент Российского союза товаропроизводителей. — *Ред.*). Он помог получить аудиенцию в Правительстве. «Смотри, как бы они там тебя не обманули, — услышал я в Белом Доме. — В областную собственность объект получают, а собор строить не разрешат». И тут же свет увидело постановление о передаче недостроенного здания Магаданской области с обременением в виде сооружения на этом месте нового кафедрального собора.

За два года построили Свято-Троицкий кафедральный собор — теперь один из лучших в стране, на месте, где располагалось учреждение НКВД «Северо-восток-золото», — фактически на крови колымских жертв.

Губернатор даже не поверил, получив эту бумагу из моих рук, — бросился звонить в столицу. Фундамент под многоэтажкой оказался добротным. Его получилось использовать при возведении собора — правда, под новое пятно застройки немного не хватало, пришлось долить бетон в основание фундамента, не разрушая вечную мерзлоту. За два года построили Свято-Троицкий кафедральный собор — теперь один из лучших в стране. Стоит, кстати, на том самом месте, где располагалось учреждение НКВД «Северо-восток-золото», — фактически на крови колымских жертв.

Сразу же обострилась проблема с сектантами. Резко активизировались протестанты всех мастей — в основном из Южной Кореи, предпочитавшие, как и повсюду в те годы, работать

с руководителями среднего звена системы государственного управления. Просто кричать в ответ? Толку не будет. Именно тогда в епархии мы открыли свою газету, создали телеканал. «Сникерсы» есть можете, только на службы к ним не ходите», — подчеркивал я, обращаясь к пастве. И действительно, начался постепенный отток людей от протестантов.

— *На северокавказский период Вашего служения пришла бесланская трагедия, которой в этом году исполнилось 15 лет...*

— Когда случилась эта беда мирового масштаба, мы закладывали новый собор в Нальчике. Сразу же предложил полпреду Президента

число жертв пойдет не на десятки — на сотни человек. Толпу удалось отеснить к зданию Дома культуры, но идти общаться с людьми никто не хочет. Пришлось отправиться мне, хотя и отговаривали — мол, на трех сотнях метров простреливаемой местности Вы станете отличной мишенью... Дошел, предложил людям вместе помолиться. И так два часа разговаривали и молились...

Штурм после взрыва сопровождался стрельбой со всех сторон, под аккомпанемент которой я ринулся к школе. Никогда не забуду ужасную картину, которую увидел, пройдя через гигантскую пробоину в стене спортзала: повсюду

Российской Федерации в Южном федеральном округе Владимиру Яковлеву отправиться в Беслан, в школу. Но он возразил: мол, надо согласовать действия с Москвой. Поэтому я поехал на своей машине — дороги минут 40. Когда подъехал к развернутому в здании городской администрации оперативному штабу, заметил неприятную картину: к площади перед школой со всех сторон сбегаются гражданские — кто с винтовкой, кто с охотничьим ружьем. Атмосфера нервная... Меня в лицо хорошо знали, поэтому машину пропустили.

Я сразу заявил всем облеченным полномочиями лицам: если начнется попытка стихийного штурма неорганизованным ополчением,

кровь, горящие трупы, разбросанные фрагменты тел. Взял раненого мальчишку, понес на улицу. Потом выносят погибшего Героя России подполковника Дмитрия Разумовского. Принесли в штаб, на две табуретки положили снятую с петель дверь, на нее тело — прямо здесь и совершил первую литию.

На похоронах жертв царил невероятно тяжелая атмосфера: повсюду в разных уголках кладбища нескончаемый стон, и такое впечатление, будто хоронят саму жизнь. Переходя от одной могилки к другой, я начал потихоньку совершать литии. Постепенно вокруг меня собралась сначала небольшая, а потом весьма обширная группа верующих. Оказались там и мусуль-

манки. Пожалуй, никогда ни прежде, ни после мне не доводилось буквально физически ощущать, как преображает людей совместная молитва и на что способна подлинная вера. Тогда мне и пришла в голову мысль организовать для родных погибших детей совместное паломничество в Святой Град. Поездку, бесплатную для всех участников, удалось осуществить благодаря содействию Святейшего Патриарха Кирилла, возглавлявшего тогда Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата.

В Храме Гроба Господня все мы помазались святым миром. У Голгофы, произнося проповедь, я объяснил, что здесь когда-то стояла Божия

что носит во чреве младенца. Состоялись благополучные роды...

Но я осознал: пройдет время, общественное внимание к родителям Беслана утихнет, про них забудут. Нужен был протяженный церковный проект, благодаря которому можно будет помогать таким нуждающимся, оказывать им духовную поддержку. И вот при содействии Патриарха Алексия II и архиепископа (ныне митрополита) Берлинского Марка, сумевшего привлечь через благотворительный фонд собранные лютеранами средства, мы в Аланском Богоявленском женском монастыре в Алагирском ущелье запустили, пожалуй, первый комплексный реабилитационный

После бесланской трагедии я увидел в народе массовое стремление к вере как духовному якорю, который помогает устоять в бушующем мире.

Мать, у Которой совершенно безвинно пострадал Сын. И вот тогда впервые за долгие недели удалось увидеть на почерневших лицах людей некое подобие света, хотя бы относительную раскрепощенность. Скажу больше: сама духовная атмосфера нашего общения в Иерусалиме так подействовала на нескольких мусульманок, что они приняли Святое Крещение в иорданских водах. А через некоторое время случилась еще одна история, очень близкая к чуду. С нами в паломничестве была женщина, приближавшаяся к полувековому возрастному рубежу. Потерявшая под пулями террористов сына и дочь, она очень убивалась, что осталась с мужем без детей. И вот после возвращения на Родину она поняла,

проект под эгидой нашей Церкви. Кстати, потом, в августе 2008 года, монастырь и реабилитационный центр оказались очень востребованы как первая перевалочная база на территории России близ Южной Осетии: и беженцы там останавливались, и российские миротворцы. А тогда, в середине 2000-х годов, после бесланской трагедии, я увидел в народе массовое стремление к вере как духовному якорю, который помогает устоять в бушующем мире. Как и повсюду, там было много некрещеных. И через проповеди, через телевидение я понемногу стал готовить людей к массовому крещению. В том же самом Алагирском ущелье на первое такое Таинство только крещаемых собралось больше тысячи человек!

В совокупности же за несколько раз таким образом удалось окрестить свыше 10 тыс. человек! Ни после, ни, думаю, до — разве что при святом равноапостольном великом князе Владимире — в нашей Церкви не было ничего подобного.

— *Войсковая операция 2008 года также проходила близ границ Вашей епархии...*

— В Цхинвали я отправился на своей машине — правда, в составе армейской колонны. Впечатления тоже очень тяжелые: повсюду трупы, площадь в центре города усеяна осколками от «Града». Я подобрал пару и сунул в карман.

Ночью Валерий Гергиев давал концерт, на котором меня попросили быть, а сразу после, с пересад-

в центре города. Вы — человек военный. Интересно, что бы вы сделали, если бы подобный обстрел начали по вашему родному городу?»

— *А в аэропортах осколок при досмотрах разве не отобрали?*

— Представьте себе, нет. Я, кстати, тогда пустил его по рядам. Его так и не вернули, «заиграли». Но атмосферу тогда удалось разрядить очень эффективно. Конечно, впечатлениями от горячих точек воспоминания о проведенных на Ставропольской кафедре восьми годах не исчерпываются.

Епархия тогда мне досталась громадная, одних только субъектов Федерации шесть: Ставро-

кой в Москве, я с делегацией Общественной Палаты Российской Федерации улетал в Берлин, где развернулась настоящая антироссийская истерия. На встречу с делегацией, куда входили в том числе политики Вячеслав Никонов и Максим Шевченко, пришло множество журналистов. Диалог выдался бурным, с преобладанием антироссийской риторики. Мы старались объяснить, что на самом деле происходит в Южной Осетии, но нас слушали мало. Один натовский генерал заседал особенно буйно, постоянно рассказывая про «нападение на Грузию». Тогда я взял слово, вытащил из кармана осколок, подошел к нему и сказал: «Ночью я был в Цхинвали. Если не верите — можно легко посмотреть кадры Первого канала с концертом Гергиева. Эти осколки поднял на оживленной площади

польский край, Кабардино-Балкария, Северная Осетия — Алания, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Чечня. Удалось построить 125 храмов, в числе которых новый кафедральный собор в Пятигорске, соборы в Кисловодске, Ессентуках, Минводах и во всех пяти республиках...

Были и другие интересные результаты. Так, незадолго до моего нового перевода на Северном Кавказе возродили институт старейшин. Поскольку регион в основном мусульманский, встал вопрос, какого муфтия поставить во главе этого органа — чеченского, ингушского, а быть может, какого-то третьего? И так этот вопрос горячо обсуждали, что тайным голосованием из числа членов совета председателем выбрали... меня. Ну а в Ставрополье удалось ввести пре-

подавание основ православной культуры: еще в ранге пилотного проекта этот модуль там изучало больше 80 % школьников — на тот момент и затем еще долгие годы этот показатель справедливо считался непревзойденным рекордом.

Быть равноправным партнером, а не попрошайкой с протянутой рукой

— На челябинский период Вашего служения пришелся момент разукрупнения епархии и образования митрополии...

— Прилетев в Челябинск, я был неприятно поражен: город-миллионник, а кафедральный

брошенный кинотеатр «Родина». Тут же противники выдвинули новую платформу: оказывается, орган нельзя не только трогать, но и вообще разбирать, иначе он неминуемо погибнет. Этот довод оказался разбить проще простого. Когда в Челябинск с немецкой фирмы приехали те самые мастера, которые некогда этот орган и собирали, я организовал с ними публичное интервью. Оказалось, что и трогать можно, и разбирать, и перевозить, и ничего страшного не случится — как, собственно, впоследствии и произошло. Тот телеэфир стал переломным моментом, после которого ни одного рационального довода у противников возвращения Александро-Невского собора

Митрополит Казанский и Татарстанский Феофан (Иван Андреевич Ашурков) родился 21 мая 1947 г. в г. Дмитриеве Курской области. После службы в рядах Советской армии обучался в Московской духовной семинарии, которую окончил в 1972 г. В 1973 г. принял монашество и поступил в Троице-Сергиеву лавру. В 1974 г. рукоположен в иеродиакон, в 1976 г. — во пресвитеры. Тогда же окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1977–1982 гг. нес послушание в Русской духовной миссии в Иерусалиме. В 1979 г. возведен в сан игумена, в 1985 г. — в сан архимандрита. В 1984–1987 гг. — секретарь Экзархата Центральной и Южной Америки, в 1989–1993 гг. — Экзарх Патриарха Московского при Патриархе Александрийском и всей Африки, в 1993–1999 гг. — заместитель председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, в 1999–2000 гг. — представитель Патриарха Московского при Патриархе Антиохийском и всего Востока. Хиротонисан во епископа Магаданского и Синегорского в 2000 г. В 2003 г. назначен на Ставропольскую кафедру. В 2008 г. возведен в сан архиепископа. В 2011 г. назначен на Челябинскую кафедру, год спустя — главой новообразованной Челябинской митрополии с возведением в сан митрополита. В 2014 г. назначен преосвященным Симбирским и Новоспаским, главой Симбирской митрополии, в 2015 г. — преосвященным Казанским и Татарстанским, главой Татарстанской митрополии. Скончался 20 ноября 2020 г. в Казани.

собор во имя праведного Симеона Верхотурского — кладбищенская церковь. При этом в центре города сооруженный зодчим Александром Померанцевым к 300-летию дома Романовых красивый Александро-Невский собор используется как органный зал. А на месте престола, понятное дело, восседает органист. Попытки моих предшественников вернуть собор Церкви успехом не увенчались: моментально собирались многочисленные митинги «в защиту единственного очага подлинной музыкальной культуры».

Вероятно, незамысленный взгляд помог мне быстро разобраться в сути и начать решать проблему исключительно в правовой плоскости. Губернатор Михаил Юревич согласился отдать и модернизировать под новый органный зал за-

Церкви не осталось. Сейчас заканчивается его реставрация, и, надеюсь, в следующем, юбилейном году, когда будет отмечаться 800-летие со дня рождения святого благоверного великого князя, этот собор станет значимой площадкой в программе российских празднований.

— А как же с новым кафедральным собором?

— Эта работа протекала параллельно. В центре Челябинска места под него объективно не было. Тогда я попросил у светских властей приглянувшуюся мне площадку в одном из бурно развивавшихся микрорайонов, который уже тогда должен был стать густонаселенным (как, собственно, и случилось — теперь там живет полмиллиона горожан). Четырехгектарный участок идеально подошел для проекта

Христорождественского собора — правда, он пока не достроен, но дело близится к завершению.

— *На Симбирской кафедре Вы провели фактически год. Неужели там тоже успели построить собор?*

— Целиком лавры его возведения себе я, конечно, приписывать не собираюсь. До моего приезда он строился уже четверть века. Наружные стены стояли готовые, но иконостаса не было. В течение года целиком завершили работы по внешней и внутренней отделке, установили иконостас, здание нового епархиального управления из голой «коробки» сделали под ключ.

Мне Ульяновск нравился: небольшой компактный регион, с губернатором Сергеем Моро-

ской Патриархии» подробно рассказал об этом в № 9 за 2020 г. — *Ред.*).

— *Еще до общестроительных работ, когда только разворачивались археологические исследования, Вы прогнозировали, что воссоздание реально завершить за три года. Ровно этот срок и ушел на то, чтобы выстроить Казанский собор с куполами и крестами. Как удалось так точно спланировать столь непредсказуемую деятельность, да еще осложненную охранным статусом как всего монастыря, так и воссоздаваемого собора и его уцелевших в земной толще исторических фрагментов?*

— У меня был богатый опыт. Он подсказывал мне: в таком деле столь масштабного и протя-

зовым сложились хорошие рабочие отношения... Но однажды раздался звонок от Святейшего Патриарха Кирилла, и летом 2015 года — день в день ровно через полвека после принятия мною воинской присяги в Казанском кремле — я занял кафедру в этом городе. Когда местные журналисты спросили о первых задачах на новом месте служения, я рассказал о планах воссоздания Казанского собора в Богородицком монастыре. Очень благодарен Святейшему Патриарху за то, что четыре года назад нашел возможность лично освятить закладной камень на месте строительства. Это сразу подняло нашу работу на принципиально новый, фактически общецерковный и общероссийский уровень («Журнал Москов-

женного во времени строительства, как воссоздание утраченного собора, многое зависит не только от банального наличия либо отсутствия бюджета, но и непосредственно от архиерея, его четкой и внятной позиции в диалоге с представителями государственной власти и меценатами. Причем одинаково ошибочно как стоять с протянутой рукой, так и демонстративно дистанцироваться от источников финансирования: мол, дают деньги — и ладно, пускай и дальше дают.

— *Как же находить баланс?*

— Универсальных рецептов тут нет, в каждом конкретном случае решение свое. Приведу один пример, касающийся воссоздания Казанского собора в Богородицком монастыре. На одном из

первых совещаний с участием Святейшего Патриарха и Президента Татарстана государственные чиновники, входившие в правление Благотворительного фонда «Возрождение», обещали профинансировать работы — но только до фасадов включительно, чтобы все убранство и иконостасы Церковь взяла на себя. Предстоятель испытующе смотрит на меня: сможем? Да, уверенно соглашаюсь. В этом не было какого-то излишнего риска, но не было и бахвальства или упования на авось — просто потому, что, несмотря на весомую стоимость внутренних работ, я был убежден: мы в состоянии их потянуть. Но одновременно мы и представителям светской власти направили четкий недвусмысленный сигнал: Церковь спо-

— *А сколько ждать великого освящения?*

— Думаю, пару лет. Зато вот в Центральном следственном изоляторе республиканского управления Федеральной службы исполнения наказаний (административно это в черте Казани) находится прекрасный храм во имя преподобного Макария Желтоводского, перепрофилированный под... тюремную камеру.

— *Кому-то повезло: отсидживать срок в церкви...*

— Да, но не повезло самому храму. В свое время его просто перестроили под тюремные нужды. Много раз мы совещались с руководством и Федеральной службы исполнения наказаний, и Минюста Российской Федерации по поводу

Церковь способна не только принимать помощь, но и выступать как равноправный и ответственный партнер в проектах самого серьезного уровня.

собна не только принимать помощь, но и выступать как равноправный и ответственный партнер в проектах самого серьезного уровня.

«Гидов для Свяжска готовим в семинарии»

— *Много сил Вы потратили на возвращение Церкви казанского Николо-Гостинодворского храма (где священником служил будущий Патриарх Гермоген), занятого прежде республиканским архивным ведомством. Завершен ли этот процесс?*

— Да, храм уже в нашей собственности. Чужеродные вставки в интерьерах разобраны, к весне здание, надеюсь, будет стоять с шатром.

освобождения храма. Но для этого надо перевести СИЗО в новое здание, а построить его пока не получается. Хотя это, пожалуй, исключение из правил. Вообще отношения с региональным Управлением ФСИН развиваются конструктивно. Недавно мой викарий епископ Елабужский Иннокентий совершал Литургию в Исправительной колонии № 5 в поселке Нижние Вязовые близ Свяжска. Одних только причастников полсотни человек, община самостоятельно формирует хор, готовит в своих рядах пономарей. Впрочем, этот сектор окормления верующих нельзя оценивать по отчетам. Специфика его такова, что на бумаге может быть очень гладко, а реальное положение реально увидеть только самому на месте,

— В этом году список Ваших наград пополнился не совсем обычной для архиерея Русской Православной Церкви медалью Следственного комитета Российской Федерации «За содействие». За что?

— Спешу разочаровать любителей сенсаций: преступников не избличал, в следственных мероприятиях не участвовал. Зато часто проводил беседы со следователями о христианской нравственности и не уставал повторять: закон законом, а правда — правдой. Удалось даже пригласить выступить в Следственном комитете с лекцией профессора Московской духовной академии Алексея Осипова.

— Три года назад архитектурный ансамбль Успенского монастыря на острове-граде Свияжск и, в частности, соборный храм этой обители ЮНЕСКО внесла в Список Всемирного наследия, в чем Казанская епархия принимала непосредственное участие...

— Да, я даже специально ездил в Париж выступать на сессии Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО, посвященной этому вопросу.

— Тогда в интервью Вы сделали ожидаемый акцент на возрождении монашеской жизни, подчеркнув, что монахи не должны превратиться в экспонаты. Удалось ли в Успенском монастыре духовную жизнь поставить во главу угла, подчинив ей деятельность туристического центра?

— Пока еще не в полной мере. Но сразу сделать это невозможно, ведь монастырь только начал возрождаться. А туристическая деятельность на таких объектах массового посещения обеспечивает прежде всего задачи пополнения государственного бюджета. Однако нам удалось сделать важнейший шаг: открыть в Казанской духовной семинарии двухгодичные курсы для экскурсоводов по основам Православия. Думаю, это беспрецедентный в масштабах всей Церкви проект, когда гиды в течение, повторюсь, двух лет изучают основы вероучения, чтобы в правильном ключе подавать информацию посетителям и квалифицированно отвечать на их вопросы. С другой стороны, удалось избежать превращения монахов в живые экспонаты. Так, во время Великого поста в обители нельзя проводить увеселительные мероприятия, с чем музейная администрация соглашается. Думаю,

находясь за колючей проволокой. Не буду кривить душой: далеко не везде нам идут навстречу. В таких случаях прошу о личной аудиенции с главой УФСИНа.

мы реализовали уникальный пример сотрудничества и смогли продемонстрировать: Церковь как никто другой заинтересована в сохранении объектов культурного наследия.

— *Свияжск — своеобразная территория в проекции на гражданское общество: там бок о бок живут потомки охранников лагеря политзаключенных и потомки самих заключенных... Насколько активно местное население участвует в литургической жизни монастыря?*

— Поселок там небольшой. Люди есть люди: поколения проходят, постепенно острые углы стираются, происходит переоценка ценностей. Литургическая жизнь в свияжских храмах связана в первую очередь не с местными, а с паломниками; приезжают верующие и из Казани, и из других городов Татарстана. Но надо понимать: там девять храмов, и каким бы интенсивным ни был поток паломников, все свияжские церкви молящимися мирянами все равно не заполнить.

— *Часто ли в Успенском соборе совершается Литургия?*

— Позволю себе напомнить, что это холодный храм. В основном Литургия там совершается в летний сезон по двенадцатым праздникам. Литургисать чаще там необходимости нет.

От православного детского сада до духовной академии

— *Периодически в церковной и местной прессе затрагивается проблема возрождения Казанской духовной академии. Нужно ли сегодня воссоздавать эту духовную школу?*

— Конечно, ведь это послужит восстановлению исторической справедливости. Но только ни в коем случае не в историческом месте ее нахождения: бывший архитектурный ансамбль академии во втором домовладении по улице Николая Ершова занят Республиканской клинической больницей № 2, выполняющей к тому же функции одной из базовых медицинских кафедр Казанского федерального университета. Поэтому буквально воссоздавать легендарную академию по месту ее «рождения» — значит не только нести колоссальные затраты по сооружению новой больницы и переводу туда соответствующей клинической базы, но еще и брать на себя риск осложнить отношения с полусотней тысяч сту-

дентов — будущих медиков. Зачем это сегодня Церкви? Кроме того, это полтора века назад академический комплекс на нынешней улице Ершова считался тихой окраиной, а сегодня это настоящий центр мегаполиса с большой гостиницей и всеми сопутствующими осложнениями для студентов-семинаристов.

Поэтому сейчас мы двигаемся по пути преобразования в академию Казанской духовной семинарии. Много уже сделано. В семинарии открыта магистратура (правда, всего по одному профилю, но этим ограничиваться не собираемся). Заложен потенциал для дальнейшего роста педагогического уровня профессуры, что в ближайшем будущем позволит запустить обучение в аспирантуре и докторантуре. По сути, остается единственный момент из области светских государственных стандартов, сковывающий решительное продвижение по этой траектории, — отсутствие общежития в отдельно стоящем здании. Но в обозримом будущем мы и его построим. Главное препятствие устранено: выкуплены у владельцев окружавшие семинарию частные дома, расчищена площадка под строительство. Если бы не пандемия, в этом году работы бы начали.

— *Татарстан — поликонфессиональный регион. Как эта тема представлена в образовательных программах семинарии?*

— Я лично возглавляю кафедру исламоведения. У меня там хорошие помощники: выпускник Ватиканского колледжа исламоведения иеромонах Роман (Модин) и выпускник Института стран Азии, Африки и Латинской Америки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова священник Иоанн Васильев.

— *Основы православной культуры в татарстанских школах по-прежнему не изучаются?*

— Увы, это последовательная политика республиканских властей: все четыре конфессиональных модуля из школьного предмета основ религиозных культур и светской этики исключены. Этот вопрос в ходе визита к нам поднимал даже Святейший Патриарх Кирилл, но пока безрезультатно. Поэтому для развития православного образования мы пошли в доступном нам направлении — развивая воскресные школы и гимназии. Недавно начали строить новую

Кряшены (крещеные) — этноконфессиональная группа в составе татар Поволжья и Урала, исповедующая Православие. Помимо Татарстана, проживают в Башкирии, Удмуртии, Челябинской, Самарской и Кировской областях, а также в Казахстане. Кряшены-язычники приняли Православие во времена завоевания Казани Иваном Грозным. По мнению современных историков, ислам в их бытовой культуре не присутствовал и практически их не коснулся. Современная этнология преимущественно считает кряшен частью татарского народа, в результатах Всероссийской переписи населения 2002 г. они указываются как субэтническая группа татар.

гимназию в Набережных Челнах, решается вопрос с выделением земли в Нижнекамске.

— *Нынешней осенью в Казани распахнул двери и православный детский сад «Родник». Учреждений подобного рода до сих пор немного даже в масштабах всей Церкви. Где Вы подбিরали для него педагогические методики?*

— Пока выстраиваем их по крупицам, потому что прецедентов действительно мало. Что-то использую из собственного опыта еще со ставропольских времен, когда открывали детские сады в Кисловодске и Невинномысске и детский приют при упомянутом Георгиевском монастыре. Первый православный детский сад в Казанской епархии должен соответствовать высочайшим стандартам, и мы этого добились. Достаточно сказать, что для детей в нем есть бассейн. С его открытием полная пирамида православного образования в регионе будет почти сформирована: на другом полюсе ее должна замкнуть Казанская духовная академия.

— *Насколько остро, на Ваш взгляд, в Татарстане стоит проблема кряшен?*

— В российском обществе господствует неверное понимание самой сути их идентичности. Да, это своеобразный этнос, но прежде всего они — православные люди, по своим национальным корням вышедшие из татар. Автономии, тем более религиозной, предоставлять им, конечно, не нужно: ничего кроме вреда от раздиранья церковного тела она не принесет.

— *Сколько их сейчас всего?*

— Точно никто не знает: прямой статистики здесь нет, а по косвенным оценкам — от 200 до 300 тыс. Многие из них, кстати, даже во время переписей населения заявляют себя татарами, хотя также многие и резко против такой идентификации. Когда я с ними встречаюсь, всегда прошу об одном: отдавайте своих детей в семинарию, чтобы пастыри выросли из национальной среды, говорящие с вами на одном языке. Говор у них немного отличается от татарского языка — фактически это его диалект.

— *И что, не отпускают учиться в семинарию?*

— Почему, поступают — хотя и меньше, чем хотелось бы. Сейчас в семинарии несколько студентов-кряшен. Всего по епархии в священном сане их служит около двух десятков.

— *Как Татарстанская митрополия переживает пандемию коронавируса? Понесли ли какие-то направления церковной жизни заметный урон или ущерб, чему требуется первоочередная помощь от Вас как архипастыря?*

— Как мне кажется, Татарстан — одна из самых организованных частей России, и пока он оказался подвержен инфицированию в несколько меньшей степени по сравнению с другими регионами. Проблема в другом. Вводя систему ограничительных мер, государственные власти поначалу преследовали цель разорвать социальные цепочки для растягивания инфицирования во времени, а потом стали ставить во главу угла экономические задачи. В итоге что в первом, что во втором случае страдает психологическое состояние общества. Тактика излишнего запугивания населения опасна и с предупреждением развития заболевания она, как мы видим, имеет мало общего. В Татарстане, кстати, никакой истерии не наблюдалось, хотя период ограничений на посещение храмов, как и повсюду, перенесли болезненно. Но не было и ответного всплеска бесшабашности, агрессии, непонимания действий властей. От этого мы, считаю, выиграли, не растеряв паству. Помогли и быстро организованные онлайн-трансляции богослужений (которые, конечно, ни в коем случае не должны становиться нормой, поскольку это прямая дорога к расцерковлению).

С церковной точки зрения природа всех невзгод — нравственное состояние социума. Кто бы что ни говорил, российскому обществу показаны коренные изменения в нравственности. Как только начнем немного в нужную сторону двигаться — вся эта беда уйдет.

— *Позволю себе заметить, что тактике запугивания в той или иной степени оказались подвержены власти практически всех затронутых пандемией государств, а это почти весь земной шар...*

— Мне кажется, нынешняя пандемия — дело рук человеческих. Но так это или нет, она в любом случае послужила удобной формой для отработки некоторых алгоритмов управления хаосом. Не «учения» ли это по настройке человечества на тотальную управляемость, причем в целях, далеких от благих?

Беседовал Дмитрий Анохин